Н.В. Гусев, аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: gusevnikitavl@mail.ru

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И АЛЬМАНАШНЫЙ ТИП ИЗДАНИЯ В РОССИИ 1820—1840-х годов («Мнемозина», «Детские книжки для воскресных дней», «Сельское чтение»)

Автор освещает вопрос о месте и значении альманашного типа издания в журнально-издательской деятельности В.Ф. Одоевского 1820—1840-х гг., причинах его активного обращения именно к альманаху. В статье подробно анализируются три состоявшихся альманашных проекта Одоевского — «Мнемозина» (совместно с В.К. Кюхельбекером, 1824—1825), «Детские книжки для воскресных дней» (с Б.А. Врасским, 1833—1834), «Сельское чтение» (с А.П. Заблоцким-Десятовским, 1843—1848), ориентированных на разные категории читателей, но связанных в целом единой просветительской установкой издателей.

Ключевые слова: *В.Ф. Одоевский, альманашный тип издания, просветительство, «Мнемозина», «Детские книжки для воскресных дней», «Сельское чтение».*

The author brings up a question on a place and value of the almanac as special type of the periodical press in Odoevsky's journal publishing activity of 1820—1840th, the reasons of his active reference to the almanac. In this article are analyzed three Odoevsky's projects-almanacs — "Mnemozina" (with V.K. Kuechelbeker, 1824—1825), "Detskie knizhki dlya voskresnih dney" (with B.A. Vrassky, 1833—1834), "Sel'skoe chtenie" (with A.P. Zablotskiy-Desjatovsky, 1843—1848), focused on different categories of readers, but connected by uniform educational installation of editors.

Key words: *V.F. Odoevsky, the almanac as edition type, enlightenment, "Mnemozina", "Detskie knizhki dlya voskresnih dney", "Sel'skoe chtenie".*

Достаточно образованному современному читателю В.Ф. Одоевский известен как автор «Пестрых сказок», таких повестей, как «Сильфида», и очень своеобразного повествовательного цикла «Русские ночи», а интересующемуся историей журналистики еще и как соредактор В.К. Кюхельбекера по альманаху «Мнемозина». На самом деле его участие в литературно-журнальном и, шире, социокультурном процессе в России 1820—1840-х годов гораздо более многообразно и активно. Притом альманашный тип издания действительно занимает в журналистской деятельности Одоевского очень значительное место, но разработана эта тема, на наш взгляд, недостаточно[1].

[1] Стоит сказать, что и сам альманах как особый тип издания до последнего времени был недостаточно изучен историками литературы и журналистики. Правда, в последние годы этот «переходный» тип издания привлекает все больше внимания исследователей [см. Балашова, 2011].

Альманах, как известно, появился в России в конце XVIII века («Аглая», «Аониды» Н.М. Карамзина), а расцвет его пришелся на середину 1820-х годов. Одним из самых ярких явлений в альманашном мире вслед за петербургской «Полярной звездой» в 1824—1825 годах стала московская «Мнемозина» В.Ф. Одоевского и В.К. Кюхельбекера. Объединению усилий этих молодых литераторов, кстати, поспособствовал А.С. Грибоедов, познакомивший их в 1823 году.

«Мнемозина» имела успех, что видно по динамике роста тиража. Если первая часть альманаха была издана в количестве 600 экз., то остальные части уже выпускались тиражом вдвое большим — 1200 экз. Такой тираж отвечал показателям самых успешных изданий того времени. Подчеркнем, что качество издания во многом обеспечивалось организационной работой именно Одоевского.

Критики приняли «Мнемозину» по-разному. Соредакторы альманаха «Полярная звезда» в целом положительно оценили работу Одоевского и Кюхельбекера. В обзоре за 1825 год А.А. Бестужев особо отметил «ум и начитанность» Одоевского. К.Ф. Рылеев подчеркнул преимущества языка издания: «Прозаические статьи в "Мнемозине" отличаются чистым, правильным языком, чуждым уродливых существительных и перековерканных прилагательных». Но все же большинство критиков, в общем, не очень благожелательно приняли издание.

«Мнемозина» отличалась от современных ей альманахов форматом, который более соответствовал журналу, чем альманаху — карманной книжке наподобие «Полярной звезды». Уже это вызвало неудовольствие рецензента «Сына Отечества» О.М. Сомова: «Формат сей книжки больше похож на форматы наших журналов, полных и неполных собраний и т.<ому> под.<обное>, для альманаха он велик и неукладист»[2].

Критикам показалось неудовлетворительным оформление издания. А.Ф. Воейков в разгромной рецензии возмущался тем, что «Мнемозина» «явилась в свет в лиловой обертке, с двумя худо литографированными картинками и премножеством опечаток»[3]. Отчасти с критиком можно согласиться: действительно, в альманахе можно обнаружить много опечаток, которые, правда, были отмечены и исправлены в последней четвертой части. Да и в художественном отношении издание было оформлено небогато (в четырех частях альманаха присутствует только три иллюстрации: две в 1-й кн., одна в 3-й кн.). Однако подбор и расположение иллюстративного материала были хорошо продуманы.

[2] Сын Отечества. 1824. Ч. 93. № 15. С. 32.

[3] Новости литературы. 1824. Кн. 8. № 15. С. 22.

Первая иллюстрация относилась к очерку Одоевского «Старики, или Остров Панхаи» (ч. 1), который открывает альманах. Изобразительный материал выделял это своего рода программное сочинение, в котором автор рисует «свет и людей» — старцев с ростом и поступками младенцев. На первой иллюстрации изображен старик, смотрящий на себя в зеркало; внизу подпись: «Чему смеешься ты? — Твое изображение!». На дальнем плане — старики, играющие в мяч и ползающие по земле. В первой же части помещена иллюстрация к еще одному важнейшему для «Мнемозины» материалу — созданному ее соредактором Кюхельбекером — поэме «Святополк Окаянный». В третьей книжке, вышедшей в конце октября 1824 года, соредакторы не могли не отозваться на смерть Дж. Байрона, который умер весной 1824 года, — его портрет стал данью памяти «певца, любимца Россиян» (слова из поэмы Кюхельбекера памяти поэта, опубликованной в «Мнемозине»). Кроме того, Одоевский в конце этой же книжки опубликовал статью-некролог «Смерть Байрона».

Не только по формату, но и по периодичности — четыре номера в год — издание Одоевского и Кюхельбекера более соответствовало журнальному типу периодики. Если обычно по структуре альманахи состояли из двух отделов — «Поэзия» и «Проза», то в «Мнемозине» имелись практически все отделы, характерные для научно-литературного журнала: «Изящная проза», «Военная история», «Путешествия», «Критика и антикритика», «Стихотворения», «Смесь». Одоевским был введен даже отдел «Философия». Правда, такое деление на отделы появилось только в оглавлении всех частей «Мнемозины», напечатанном в четвертом номере. Первые книги представляли собой довольно бессистемное собрание поэтических, беллетристических, философско-эстетических произведений — что было типично как раз для альманаха. Хотя уже в первых книгах о тяготении к журнальному типу издания свидетельствовала не по-альманашному большая доля литературно-критических материалов. Позднее (уже в 1844 году) В.Г. Белинский справедливо назвал «Мнемозину» «журналом-альманахом»[4].

В альманахе Одоевскому принадлежит почти третья часть от общего числа публикаций — 20 произведений. Практически такую же часть составляют сочинения Кюхельбекера, что говорит о равной и весьма высокой доле авторского участия соредакторов в издании. Подчеркнем, однако, что программные литературно-критические статьи принадлежат главным образом перу Кюхельбекера («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (ч. 2), «Разговор с Ф.В. Булгариным» (ч. 3)).

[4] *Белинский В.Г.* Сочинения князя В.Ф. Одоевского // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В XIII т. Т. VIII. М., 1955. С. 300.

Ко времени создания первого своего издательского проекта Одоевский уже имел опыт сотрудничества в журналах «Каллиопа», «Благонамеренный» и «Вестник Европы», интересовался шеллингианством, был одним из организаторов «Общества любомудрия». Он сознавал, что с помощью журналистики можно достаточно эффективно распространять среди аудитории знания и влиять на формирование ее социально-нравственных идеалов. Именно такие задачи ставил Одоевский перед «Мнемозиной» и перед собой как журналистом-просветителем в широком смысле слова. Благодаря прежде всего Одоевскому, по справедливой оценке А.П. Пятковского[5], «Мнемозина» стала «первым русским альманахом, в котором серьезно трактовались различные *философские* (выделено нами. — *Н.Г.*) и теоретические вопросы» [Пятковский, 1901, с. 31]. Этим она отличалась и от очень успешного и тоже ставившего высокие просветительские цели петербургского альманаха К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева «Полярная звезда».

На страницах «Мнемозины» Одоевский обнаружил способность к глубоким философским размышлениям. Один из первых русских шеллингианцев Д. М. Велланский после прочтения второй части альманаха, где появились «Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия» (с. 73—84), писал Одоевскому 17 июля 1824 года: «Афоризмы вашего сиятельства, помещенные в Мнемозине, читал я с величайшим удовольствием, и признаюсь, что из всех известных мне ученых россиян вы одни поняли настоящее значение философии»[6]. Но статьи Одоевского демонстрировали не просто его познания в области философии, но и желание и умение привлекать внимание читателя к серьезным научным вопросам. Примечательна его статья «Секта идеалистико-елеатическая» — это «отрывок из словаря истории философии». В преамбуле Одоевский поднимает вопрос о том, что в России очень мало философских сочинений, «нет даже ни одного журнала, которого хотя бы несколько страниц были посвящены философии»[7]. В статье он, один из руководителей «Общества любомудрия», с целью популяризации философии, в том числе ее истории, знакомит альманашную аудиторию с основными положениями философских систем древнегреческих философов-элеатов конца VI — первой половины V века до н.э. — Ксенофана, Парменида, Мелисса, Зенона.

---

[5] Любопытно заметить, что именно Одоевский в свое время посоветовал молодому А.П. Пятковскому, в будущем довольно известному издателю и публицисту, заняться историей русской журналистики.

[6] Из бумаг князя В.Ф. Одоевского // Русский архив. 1864. № 7, 8. С. 805.

[7] *Одвск.* [*Одоевский В.Ф.*] Секста идеалистико-елеатическая // Мнемозина. 1825. Ч. 4. С. 160.

Кроме интереса Одоевского к философии в альманахе проявилась и его любовь к музыке. К первым двум частям «Мнемозины» были приложены камерно-вокальные сочинения А.Н. Верстовского и М.Ю. Виельгорского. А третью часть издания Одоевский решил украсить своим собственным музыкальным опусом на стихи «Татарской песни» из «Бахчисарайского фонтана» А.С. Пушкина.

В целом первый альманашный опыт Одоевского, одного из создателей особого типа альманаха, весьма удачен, несмотря на некоторые критические отзывы в современной ему печати. В истории русской журналистики «Мнемозина» — уникальное издание такого типа, именно благодаря Одоевскому вполне органично сочетающее в себе литературную и одновременно научно-популярную философскую часть. Правда, век его был недолог: в 1825 году альманах прекратил свое существование, главным образом из-за финансовых и организационных трудностей.

История альманашных опытов Одоевского, однако, продолжалась. Не имея собственной площадки для выступлений, он активно участвует в «чужих», хотя и близких ему по общей серьезной просветительской ориентированности, альманахах — публикует «древнее предание» «Заветная книга» в «Урании» на 1826 год М.П. Погодина, аполог «Смерть и жизнь» в «Северной лире на 1827 год» С.Е. Раича и Д.П. Ознобишина. В начале 1830-х годов Одоевский сотрудничает с одним из лучших альманахов этого времени — «Северными цветами» А.А. Дельвига, напечатав там повести «Последний квартет Беетговена (так в тексте. — *Н.Г.*)» в 1830 году и “Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi” в 1831 году.

А через 10 лет после «Мнемозины» вместе с Б.А. Врасским, с которым их связывали родственные и служебные отношения, Одоевский издал «Детские книжки для воскресных дней» — соответственно на 1834 и 1835 годы. В этом альманашном опыте проявилось характерное для Одоевского, не имевшего собственных детей и, видимо, тяготившегося этим, постоянное внимание к детской аудитории и проблемам ее воспитания и образования. Причем, если Одоевский как автор художественных произведений для детей неплохо изучен, то его участие в детской журналистике в науке освещено очень мало.

«Детские книжки для воскресных дней» — это типичный альманах, выходивший к Новому году. В то же время его отличал двойной адресат: в основном, конечно, он обращался к дворянским детям младшего возраста (от начинающих читать семилеток до приблизительно 12-летних), но появлялись материалы и для их воспитательниц.

Даже внешнее оформление издания притягивало внимание читателей, что особенно важно в детской литературе. Альманах не-

обычного альбомного формата, в 16-ю долю листа (12,5×20,5 см) был напечатан на хорошей бумаге, крупным четким шрифтом. В конце обеих книжек прилагались черно-белые изображения тех предметов, о которых шла речь в публикациях (например, «камер-обскура» (так в тексте. — *Н.Г.*)).

Хотя о четкой архитектонике издания говорить не приходится, композиционно альманах делился на две части. В первой, неозаглавленной и большей по объему, помещались художественные произведения для детей (всего в обоих выпусках — 12 публикаций). Во второй — озаглавленной «Смесь» и меньшей по объему, но с большим количеством наименований материалов — практические советы и учебные задачи для детей (всего 35 публикаций). Так, в альманахе Одоевского — Врасского соединились два вида издания: собственно детского и педагогического, продолжая традиции знаменитого «Детского чтения для сердца и разума» Н.И. Новикова. Правда, неясно, насколько осознавали связь своего альманаха с первым русским детским журналом сами издатели.

Зато прямо декларировалась опора на идеи современных издателям классиков европейской педагогической мысли первой трети XIX века И.Г. Песталоцци (1746—1827) и Ж. Жакото (1770—1840)[8]. «Детские книжки» были подчинены высокой учебно-просветительской цели — привлечению внимания детей «к предметам знания, к сему единственному, верному руководителю в жизни»[9].

Одним из важнейших отличий издания Одоевского — Врасского по сравнению с другими детскими и педагогическими изданиями 1830-х годов («Педагогический журнал» А. Ободовского, Е. Гугеля и П. Гурьева, «Всеобщая библиотека» А. Очкина) стало то, что в нем почти не было произведений, ориентированных на формирование религиозных представлений подрастающего поколения. Д.Ф. Тарасов справедливо замечает: «В то время, когда считалось допустимым в воскресные дни лишь религиозное чтение, Одоевский создал для воскресного чтения светские книжки для детей...» [Тарасов, 1963, с. 11].

Безусловным достоинством рассматриваемого альманаха стало увеличение количества оригинальных публикаций. Заимствованные материалы (в основном из французского журнала «La Récréation, Journal des Écoliers»[10]) впервые в детском издании перестали господствовать над оригинальными. Среди оригинальных сочинений

---

[8] См., например, прямое указание на эффективность «методы Жакото» в предисловии ко второй «Детской книжке» (с. VI).

[9] Предисловие // Детская книжка для воскресных дней на 1835 год. 1834. С. IV.

[10] “La Récréation, Journal des Écoliers” («Развлечение, журнал для школьников») — ежемесячный иллюстрированный журнал, выходивший в Париже с 1833 по 1837 год.

основное место занимали тексты Одоевского в разных жанрах на самые разные темы. Главной задачей при создании и публикации того или иного произведения была задача «обращать внимание детей на предметы им неизвестные и, так сказать, раздражать их любопытство или, как теперь говорят, их *любознательность*»[11].

Некоторые собственные произведения Одоевский опубликовал под своим любимым псевдонимом «дедушка Ириней». Эта маска мудрого «магистра философии и члена разных ученых обществ»[12] перекочевала в альманах из «Пестрых сказок», изданных в 1833 году, обретя дополнительные черты. «Дедушка Ириней» — пожилой человек, умудренный не просто штудиями ученого, а большим жизненным опытом, желающий поделиться им с близкими его сердцу маленькими читателями. Отсюда и эпитеты в обращении к детям — «любезные», «милые».

Под этой маской в альманахе появилась сказка с явно просветительской установкой и философским смыслом «Червячок»[13]. Это вообще одно из самых удачных произведений Одоевского в данном издании и вообще в жанре детской сказки. Точно и одновременно образно рассказывая о превращении гусеницы («червячка») в прекрасную бабочку, автор умело вводит детей в мир естествознания и вместе с тем в мир общих законов развития, изменений в окружающем мире.

Одоевский создавал свои материалы, учитывая установку не только на знания общефилософского плана, но и на практические знания и представления. Об этом свидетельствуют «Отрывки из журнала Маши», написанные Одоевским от лица ребенка. Цель автора — ненавязчиво начать готовить маленьких дворянских девочек к тому, с чем столкнется каждая из них повзрослев: как грамотно распоряжаться деньгами, как правильно вести хозяйство, например, как, не полагаясь только на прислугу, убирать дом. Маша признается в дневнике: «Вижу теперь на опыте, какую правду мне говорила маменька, что ученье полезно во всем, даже в самых малейших случаях...»[14]. В «Журнале Маши» Одоевский, видимо, с рекламной целью отсылает своих читателей к «Книге Наума о великом Божием мире» М.А. Максимовича (М., 1833). Он высоко ценил данное издание: «Это первая или, лучше сказать, единственная на русском языке книга, равно приспособленная к понятию как простого народа, так и детей»[15].

---

[11] От издателей // Детская книжка для воскресных дней на 1834 год. 1833. С. 2—3.

[12] *Одоевский В.Ф.* Пестрые сказки. СПб., 1996. С. 6.

[13] Детская книжка для воскресных дней на 1835 год. 1834. С. 1—14.

[14] Отрывки из журнала Маши // Детская книжка для воскресных дней на 1834 год. 1833. С. 42.

15 Там же. С. 45.

В целом «Детские книжки для воскресных дней» — довольно значимое явление в альманашном мире, стоявшее у истоков качественных светских[16] изданий для детей и педагогов. Альманах прекратил свое существование по не совсем понятным причинам.

И хотя «Детские книжки», как в свое время «Мнемозина», имели короткую историю, интерес Одоевского к изданию альманахов и с их прекращением не угас. Еще почти через десять лет, в 1843 году, родилось «Сельское чтение» Одоевского и А.П. Заблоцкого-Десятовского, известного русского экономиста и государственного деятеля. Они познакомились еще во время их сотрудничества в «Отечественных записках» А.А. Краевского. В начале 1840-х годов оба служили по Министерству государственных имуществ, причем Заблоцкий с 1841 года редактировал журнал министерства. Одоевский еще с 1838 года был членом Ученого комитета этого министерства, осуществлял учебно-методическое руководство сельскими приходскими училищами для государственных крестьян. Заблоцкий, который работал в «комитете Киселева», готовившем решение крестьянского вопроса в России, также активно участвовал в разработке образовательных программ правительства для народа. Своеобразной и очень плодотворной частью деятельности этих неординарных сотрудников Министерства государственных имуществ стало рассматриваемое нами практически первое издание «для народного чтения» в России. Альманах «Сельское чтение» был рассчитан на аудиторию, весьма далекую от издателей, по крайней мере, по социальному статусу, и соответственно знания, приобретенные, в том числе и по долгу службы, им явно пригодились. Кстати, о специальном интересе Одоевского к простонародной аудитории свидетельствует и выпущенная им еще в 1833 году при «Журнале общеполезных сведений» книжка для народа «Краткое понятие о химии, необходимое для свечных мастеров».

Всего вышло 4 книжки «Сельского чтения» (в 1843, 1844, 1845 и 1848 годах). Востребованность их была такова, что они многократно переиздавались. Например, первая книжка за 20 лет, до 1864 года, выдержала 12 переизданий. Всего за первые два года разошлось 30 тыс. экземпляров — это чрезвычайно большие цифры для того времени (ср.: тираж самого востребованного толстого журнала «Отечественные записки» в 1840-е годы составлял 8 тыс. экземпляров). Следует, однако, иметь в виду, что «Сельское чтение» субсидировалось государством, и большая часть тиража отправлялась в приходские училища в обязательном порядке.

Книжки «Сельского чтения» журнального формата (в 8-ю долю листа) печатались на серой тонкой бумаге. Это удешевляло издание

[16] Слово «светский» — в значении «нерелигиозный».

и позволяло ему лучше расходиться. При доступности «Сельское чтение» было внешне довольно привлекательно благодаря хорошему оформлению, множеству иллюстраций. Например, в первой книжке на 112 страницах — 21 иллюстрация. На титульном листе всех выпусков изображены крестьяне в избе, окружающие почтенного старца, который им читает книгу, а над ними висит икона. Рисунок символически указывал на цель издания.

Уже первые отклики в периодике на дебютную книжку альманаха были весьма лестны для издателей. Причем особо выделялись доступность и «наглядность» как верно выбранные стратегии издания для народа. Так, анонимный рецензент «Земледельческой газеты» отмечал: «При весьма чистой, можно сказать нарядной, наружности, с картинками, эта книжка продается у всех книгопродавцев за 30 копеек серебром»[17]. В первой рецензии на «Сельское чтение» В.Г. Белинский писал: «Простые люди, что малые дети, — наглядность и заохочивает их к чтению, и помогает понимать читаемое»[18]. Доступности способствовал и язык издания, который еще в 1904 году так охарактеризовал исследователь просветительской деятельности Одоевского Б.А. Лезин: «Везде язык — народный, образный, превосходящий всякие похвалы; все рассказы пересыпаны народными пословицами, поговорками»[19]. Действительно Одоевскому удалось «отвлеченные понятия науки передавать простым, образным языком и в художественной форме, доступной для всякого крестьянина»[20].

Вместе с тем в авторской и издательской деятельности Одоевского в альманахе отразилась противоречивость его отношения к простому народу. Показательно в этом отношении письмо Одоевского 1843 года к М.Н. Загоскину, также сотрудничавшему в «Сельском чтении», в котором Одоевский довольно четко охарактеризовал отношение к народу как своей целевой аудитории: «Теперь нашему простому народу — кажется, не более лет 13-ти; беда, если к нему попадается Фоблаз или Выжигин; испортится и физически, и нравственно — и после не поправить никаким лекарством»[21]. В ответ ему Загоскин отвечал: «Конечно, теперь для него лучше ничего нельзя придумать «Сельского чтения». Спасибо вам за намерение и выполнение. Дай Бог, чтоб наши мужички по-

---

[17] Земледельческая газета. 1843. 16 февраля. № 14. С. 112.

[18] *Белинский В.Г.* Сельское чтение... // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VI. М., 1955. С. 690.

[19] *Лезин Б.А.* Краткий обзор просветительной деятельности кн. В.Ф. Одоевского и его педагогических принципов // Русская школа. 1904. № 12. С. 52.

[20] Там же.

[21] Письмо В.Ф. Одоевского М.Н. Загоскину // Русская старина. 1902. № 9. Сентябрь. С. 632.

любили это чтение, которое решительно должно им принести пользу»[22]. Позиция Одоевского по отношению к крестьянам явно исходит из искреннего желания заботиться об умственном и нравственном воспитании простонародья, но одновременно она грешит излишним недоверием к его способностям самостоятельного развития. В редакционном предисловии к первой книжке Одоевский и Заблоцкий-Десятовский напутствовали своих читателей: «Век живи, век учись; но учись доброму, тогда и дурное на ум не пойдет... Прочтешь (книжку. — *Н.Г.*) раз, прочти в другой и в третий. А выразумеешь все, тогда читай вторую книжку Сельского чтения»[23].

В целом в издании преобладал общепросветительский пафос. Однако постоянно публиковались здесь и материалы, в которых проводились религиозно-нравственные идеи. В предисловии к третьей части альманаха провозглашалась задача способствовать тому, чтобы «всякое дело» читателям-крестьянам «сподручнее было, а больше всего — любовь бы друг к другу» между ними утверждалась, «да верность Царю, да Вера Православная»[24]. Эта формулировка сильно отличалась от декларированных целей не только «Мнемозины», но и «Детских книжек». В каждом выпуске «Сельского чтения» присутствовали публикации, посвященные религии, причем среди авторов таких текстов был и сам Одоевский. В четвертой части находим его статью «Церковь», в которой он убеждает крестьян в исторической устойчивости христианства как мировой религии и его значения в истории человечества: «Одна церковь стоит как прежде была, без перемены. И все в ней те же молитвы творят, и по тем же книгам читают, как читали за тысячу лет»[25]. Оценивая такого рода редакционные заявления, надо иметь в виду, что их появление на первых страницах созданного на деньги правительства альманаха для народа было в общем неизбежно. Едва ли они могут быть признаны свидетельством исключительно свободного идейно-нравственного выбора издателей-редакторов «Сельского чтения». Тем более, что большинство материалов и в этом альманахе носило светски просветительский познавательный характер.

Показательна в этом отношении статья Одоевского «Что такое чертеж земли, иначе план, карта и на что все это пригодно»[26]. Рассказ о том, как можно начертить план комнаты, деревни, уезда, губернии, страны, иллюстрировался приложенной картой Европы

[22] Из переписки князя В.Ф. Одоевского // Русская старина. 1904. № 8. Август. С. 416.

[23] Сельское чтение. Книжка первая. 7-е изд. 1848. С. I.

[24] Сельское чтение. Книжка третья. 3-е изд. 1848. С. II.

[25] Сельское чтение. Книжка четвертая. 1848. С. 2.

[26] Сельское чтение. Книжка первая. 7-е изд. 1848. С. 76—81.

и «той части России, которая лежит в Европе». Подчеркивание связи России именно с Европой, которая у читателя обычно ассоциировалась, как минимум, с научно-техническим прогрессом, тоже, очевидно, неслучайно.

Всего в четырех книгах помещено 14 произведений Одоевского, подписанных его собственной фамилией или псевдонимом «дядя Ириней». Эту маску деревенского мужика-грамотея, живущего в селе Ивановка, Одоевский создал специально для «Сельского чтения», трансформировав уже известную маску «дедушки Иринея» из «Детских книжек...». Впервые «дядя Ириней» появился во второй книжке и был представлен самим Одоевским: «Человек он не старый, да и не молодой, но такой здоровенный; сам работает, да и батраков нанимает, потому что человек бессемейный; были у него жена и дети, да всех Бог прибрал...»[27]. Под маской «дяди Иринея» в статьях-«грамотках» Одоевский толковал простому народу и о сложных философских вопросах — например, о том, «что вокруг человека и о человеке» (кн. 3, с. 1—9), и о вполне конкретных, имеющих прагматический смысл — о том, «что такое чистота и к чему она пригодна» (кн. 3, с. 29—30) и др.

Достоинство Одоевского как автора альманаха для народа прежде всего заключается в готовности говорить на самые разные темы с простонародным читателем, начиная с простейших правил поведения цивилизованного человека. Осознавая крайне низкий уровень образованности и общей культуры крестьян, интеллектуал, бывший любомудр Одоевский не считал для себя зазорным писать о самых, казалось бы, простых, но все же еще не усвоенных деревенской Россией поведенческих нормах. Таковы опубликованные им в 4-й книжке «советы на случай повальных болезней» — эпидемий: «Держи избу чисто», «каждый день <...> отворяй окно», «постель хоть в две недели раз на дворе выколачивай», «хоть раз в неделю в баню ходи», «сырого ничего не ешь»[28].

Пропагандируя пользу грамотности для простого народа, Одоевский привлекал внимание к тем лучшим образцам русской литературы, которые могли быть легко усвоены малоподготовленным читателем. Вполне закономерно, что особо выделялось творчество И.А. Крылова: «Иван Андреевич умных книжек словно умных детей народил»[29]. Из статьи «Кто такой дедушка Крылов?» читатель мог узнать о том, как в Петербурге в 1838 году праздновали (кстати, по инициативе в том числе и Одоевского) юбилей 50-летней литературной деятельности Крылова. В конце статьи приводились

[27] Сельское чтение. Книжка вторая. 4-е изд. 1848. С. 14.
[28] Сельское чтение. Книжка четвертая. 1848. С. 123.
[29] Сельское чтение. Книжка вторая. 4-е изд. 1848. С. 79.

тексты крыловских басен («Крестьянин в беде», «Совет мышей» и «Лягушка и вол») с весьма показательным напутствием: «Вот здесь три его притчи напечатаны, читай их да смекай, и будут они и уму на пользу, и душе в сладость»[30]. Здесь, в отличие от «советов на случай эпидемий», заметно уже гораздо большее доверие к аудитории — к ее способности понять смысл представленных текстов.

«Сельское чтение» было встречено современниками по-разному, причем различались в первую очередь как раз оценки общей тональности в обращении к народу. Альманах не был принят славянофилами, склонными идеализировать русского крестьянина и полагавшими, что не столько народ надо поучать, сколько у народа можно и даже нужно учиться. А.С. Хомяков писал Одоевскому в 1845 году: «Мне кажется все издание «Сельского чтения» крайне оскорбительным явлением и выражением глубокого, ничем не заслуженного и, во всяком случае, непозволительного презрения к просвещаемому» [Егоров, Медовой, 1970, с. 340]. Думается, Хомяков неправ — в альманахе не было «презрения» к народу, хотя некоторого недоверия к его способности к самостоятельному развитию, как нами уже отмечалось, он был не чужд.

Интересно, что среди авторов одобрительных отзывов оказались представители противоположных идейных «лагерей» — Загоскин (о чем сказано выше) и Белинский. Оба они считали, что именно так, как писали в альманахе Одоевский и Заблоцкий, и надо писать для народа. Белинский, разумеется, высоко оценил прежде всего просветительскую позицию «Сельского чтения». Рецензент «Отечественных записок» утверждал, что «“Сельское чтение” открыло эпоху в истории едва начинающегося у нас образования низших классов»[31]. Среди достоинств Белинский отмечал глубокое знание быта, «потребностей и самой натуры русского крестьянина», умение «угадать, что нужно для чтения простому народу», и талант, «с каким умели издатели воспользоваться этим знанием»[32]. Он восторженно откликался на выход каждой новой книжки, думается, иногда даже преувеличивая их достоинства.

В целом, как показывает анализ, издание Одоевского и Заблоцкого сумело ответить на вызов времени — напрямую обратиться к народу, потенциально самому многочисленному и реально самому неподготовленному читателю. Можно сказать, что верным оказался выбор издателями формата альманаха-сборника. Хотя зачинателям всегда сложно найти единственно верные стратегии, тем более в рамках правительственного издания.

---

[30] Там же.

[31] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. IX. С. 301.

[32] Там же. С. 302.

Итак, альманашный тип периодики занял большое место в журнально-издательской деятельности В.Ф. Одоевского. Все три состоявшиеся (пусть и в результате совместных усилий с коллегами — Кюхельбекером, Врасским, Заблоцким-Десятовским) издательские проекты Одоевского в 1820—1840-х годах — альманахи. Очевидно, этот тип издания был удобен тем, что благодаря редкой периодичности и довольно свободной структуре требовал меньших усилий от издателей и открывал большие возможности для авторов.

Для Одоевского, как и многих литераторов и журналистов того времени, было характерно восприятие альманаха как необходимой ступени к изданию журнала. Недаром «Мнемозину» они с Кюхельбекером планировали трансформировать в ежемесячный журнал, «Детские книжки...» с Врасским — в журнал «Детский товарищ». Правда, оба замысла по разным причинам не реализовались.

В каждом из альманахов Одоевский ориентировался на разные категории читателей (по социальным и возрастным параметрам, по уровню образованности), но непременно помня о высокой просветительской идейно-нравственной миссии периодики. Можно сказать, что именно альманашный формат в различных его вариантах оказался для Одоевского-журналиста наиболее подходящим, в развитие именно этого типа издания на протяжении 20 лет своей творческой деятельности он сумел внести очень весомый вклад. Желание и умение говорить доступно о предметах разного уровня сложности позволило ему стать одним из создателей по сути первого в России литературного и научно-популярного, философского альманаха-журнала, а через два десятилетия — первого просветительски ориентированного альманаха для народа.

Список литературы

Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного периода. СПб., 2011.

Егоров Б.Ф., Медовой М.И. Переписка кн. В.Ф. Одоевского с А.С. Хомяковым // Труды по русской и славянской филологии. XV. Литературоведение. Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 251. Тарту, 1970.

Пятковский А.П. Князь В.Ф. Одоевский и Веневитинов. СПб., 1901.

Тарасов Д.Ф. Выдающийся просветитель и педагог дореформенной России — В.Ф. Одоевский: Автореф. ... канд. дисс. М., 1963.

Поступила в редакцию
10.11.2011